

Москва в истории науки и техники

С. С. ИЛИЗАРОВ

АКАДЕМИК ГЕРАРД ФРИДРИХ МИЛЛЕР — ГРАЖДАНИН МОСКВЫ

Здесь на сцену вышла История... За нею, кряхтя под огромным тюком летописей, дипломов и документов, шел сильный, рослый, одетый в немецкое платье мужчина.

*Фридрих Максимилиан Клингер.
«Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад», 1790 г.*

Имя первопроходца русской исторической и географической наук, просветителя и великого труженика, академика Санкт-Петербургской академии наук Герарда Фридриха Миллера хорошо известно историкам науки и культуры. Практически нет ни одной работы по истории просвещения и научного движения в Российской Империи XVIII в. без упоминания о Г. Ф. Миллере.

В то же время наше скудное знание о его долгой жизни и многогранной деятельности не просто не соответствует масштабу этой личности, но и наполнено зловредными мифами, негативного характера стереотипами и просто вульгарной ложью.

Здесь не ставится задача опровержения и объяснения причин, по которым ярчайшее явление в истории русской науки и культуры столь легкомысленно недооценено его наследниками. Этот вопрос касается многих аспектов — психологии личности и социума, ментальности и особенностей внутренней национальной и культурной политики, присущей нам легкости отношения к культурному наследию и предрасположенности к забвению и, наконец, просто трудностей прочтения и понимания старинных текстов. В этой связи уместно припомнить высказывание Н. В. Гоголя, весьма высоко и профессионально ценившего Миллера: «... скромный, незаметный слог его и отсутствие ослепляющей яркости производит в душе невольное сожаление: чрез него Миллер очень мало известен, или, лучше сказать, не так известен, как должен бы быть» [1, с. 11]. Н. В. Гоголь писал этот текст в 1832 г., в период увлеченного чтения исторических исследований (Гоголь ведь сам был профессором истории!), и тем не менее уже для него стилистика русской докарамзинской исторической литературы — архаична и тускла.

Пожалуй, наилучшим образом характеризует жизнь и творчество ученого слово «первый». Ведь фактически в Академии наук он был первым профессиональным русским историком. Историк и географ, путешественник и журналист, архивист и педагог, он сыграл значительную роль в становлении и развитии Санкт-Петербургской академии наук. Г. Ф. Миллер руково-

дил работой московского Воспитательного дома, был директором и устроителем Московского архива Коллегии иностранных дел, где создал первую в России научную профессиональную школу историков-архивистов и источниковедов. Наконец, Г. Ф. Миллеру принадлежит первенство в исследовании и написании научных работ о Москве и Подмоскowie.

Тема «Миллер в Москве» и «Миллер о Москве», ранее никем не исследованная, и составит основное содержание этой работы. Но поскольку до сих пор не написана научная биография ученого, а лучший среди изданных очерков о его жизни и деяниях, насчитывает свыше ста лет (см. [2]), то в этой статье я постараюсь хотя бы в минимальном объеме представить наиболее важные моменты биографии Г. Ф. Миллера, тем более что на страницах нашего журнала (если не изменяет память) никогда (начиная с 1956 г.) не публиковался сколько-нибудь связный очерк, посвященный Г. Ф. Миллеру. Рассказ о Миллере может быть сколь угодно долгим, а отдельные стороны его научной деятельности рассматривались в очень большом количестве работ, поэтому я (надеюсь, не в ущерб целостности) буду акцентировать внимание на менее известных моментах личности ученого: его жизни, быте и взаимоотношениях с коллегами, чиновниками, властителями. Известно каждому, кто прикасался к истории жизни человека науки, да и исходя из личного житейского опыта, как важна, так сказать, внешняя сторона жизни ученого. Именно она накладывает неизгладимый отпечаток на характер, мотивы поведения, исследовательский темперамент, продуктивность и результативность, но и объясняет многое из того, что невозможно разглядеть даже при самом пристальном рассмотрении, анализируя только научное наследие ученого.

Страницы жизни Герарда Фридриха Миллера

Г. Ф. Миллер родился 18 октября 1705 г. в Герфорде (Вестфалия) в интеллигентной семье. Его мать, Анна-Мария, была дочерью Герарда Бодинуса — профессора богословия, суперинтенданта и советника консистории в городе Ринтельне; отец, Томас Миллер, на протяжении сорока лет — ректор Герфордской гимназии. Именно в Герфорде будущий российский ученый и начал свой долгий путь в науке. С семнадцати лет он продолжил учебу в Рингельнском и Лейпцигском университетах. Когда он заканчивал свое первоначальное образование (а учился Г. Ф. Миллер поистине всю жизнь), в России Петр Великий завершал строительство новой европейско-азиатской империи. Одним из последних актов в этой грандиозной перестройке явилось создание в новой столице ново-

Портрет Г. Ф. Миллера

го для России учреждения — Академии наук, открытия которой, однако, сам преобразователь не дождался. Как вспоминал Миллер спустя много лет, «не имел я счастья в живых застать Петра Великого, коего указом для основанной сим государем Академии Наук, по призыванию президентскому, приехал я служить» [3, с. 147]. И вот с 5 ноября 1725 г. Г. Ф. Миллер в России, в Санкт-Петербургской академии наук. Поначалу в звании студента в академической гимназии преподавал латинский язык, историю и географию. Он на редкость быстро сумел правильно выбрать линию поведения и приспособиться к новым условиям жизни и труда. Прочные, разносторонние и глубокие знания, плюс трудолюбие и рано проявившаяся творческая самостоятельность — все это в благоприятных условиях первых лет существования Академии наук позволило молодому Миллеру выдвинуться и сделать научную карьеру. Направляясь в Россию с весьма скромными надеждами, предполагая стать хотя бы библиотекарем, уже в 1730 г. по представлению президента Академии (кстати, уроженца Москвы!) Лаврентия Блюментроста и «по удостоиванию всех членов академического собрания, наречен... профессором истории и членом Академии Наук» [3, с. 148].

Вскоре после прибытия в новую страну Г. Ф. Миллер оказался включенным практически во все сферы деятельности Академии и в определенной мере во все стороны культурной жизни столицы Российской Империи. Так, в Академии он вел протоколы и научных заседаний, и заседаний Канцелярии, иностранную переписку, участвовал в издательской и типографской работе. В 1728 г. он заявил о себе как о выдающемся журналисте, став первым редактором «Санкт-Петербургских ведомостей». Ему пришла также идея издавать специальные «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания» к «Санкт-Петербургским ведомостям», которые фактически стали первым в России научным журналом. В первые годы существования «Примечаний» Миллер был почти единственным автором журнала. В «Примечаниях» он поместил первый на русском языке очерк по истории газетного дела. Успех начатого дела побудил Миллера с 1729 г. взяться за аналогичное издание на немецком языке.

Талант прирожденного просветителя проявился у него с первых лет жизни в России. Простое перечисление сфер деятельности молодого и честолюбивого ученого заняло бы достаточно много места. Но не следует, однако, забывать о трудностях объективного характера, с которыми ему и его коллегам-иностранцам приходилось сталкиваться. Главной из них являлась чужая языковая среда. Имевший замечательные лингвистические способности, Миллер очень быстро овладел русским языком. Большим препятствием на пути изучения истории и географии России было отсутствие в первой половине XVIII в. русского научного языка: понятий и терминов, системы научных рассуждений и доказательств, метода научного анализа, навыков правильной эмпирической работы, наконец, практически полное отсутствие традиций европейского типа научности.

В августе 1730 г. Г. Ф. Миллер отправился за границу для устройства домашних дел после смерти отца, но эта поездка превратилась в первую загра-

ничную научную командировку русского академика. Он был в Англии, Голландии и Германии, выполняя ряд ответственных заданий Академии, включая обязательства «езде знакомиться с учеными и самых знаменитых зондировать, желают ли они быть приняты в число почетных членов Академии... везде узнавать об ученых, которые могли бы со временем поступить сюда на службу...» [цит. по: 4, с. 48]. Тогда уже проявилась характерная для него основательность и необходимая для путешествующего предусмотрительность.

**В отношении достоинства России ...
он был горячий патриот
А. Л. Шлецер. 1802 г.**

Собираясь в заграничный вояж, Г. Ф. Миллер запасся не только паспортом от Академии наук, но и паспортом на немецком языке от тогдашнего генерал-аншефа графа фон Миниха. Второй документ не раз выручал ученого, особенно в землях Германии. Г. Ф. Миллер был в то время красивый молодой мужчина, очень высокий и крепкого телосложения. Много лет спустя он со смехом рассказывал, как при пересечении германских земель на каждой прусской станции вербовщики спрашивали русского академика, не хочет ли он вступить в армейскую службу, и тогда знаменитое имя графа Бурхарда Миниха обеспечивало защиту и уважение. Его заграничный вояж длился ровно год, день в день, все задания им были успешно исполнены, а сам Миллер был принят в члены научных обществ Лондона, Гарлема и Лейпцига.

В 1732 г. в Санкт-Петербурге Г. Ф. Миллер начал издавать на немецком языке «Собрание российской истории» (*Sammlung Russischer Geschichte*), получившее широкое распространение в Западной Европе и высокую оценку таких выдающихся ученых и просветителей, как И. Г. Гердер, А. Л. Шлецер и др. Это был первый журнал, позволявший зарубежному читателю получать достоверные научные материалы к познанию России и ее истории. В этом издании публиковались и многие произведения самого Миллера. Для него, кстати, вообще было характерно одновременно публиковать свои произведения на двух языках — русском и немецком, просвещая и образовывая таким образом неизмеримо большее число людей, чем это делали его современники и коллеги.

В начале 30-х гг. XVIII столетия в Академии в результате внутренних интриг для Г. Ф. Миллера сложилась несколько неблагоприятная обстановка. В поисках выхода из ситуации он, воспользовавшись случаем, «бежит» из Санкт-Петербурга: с августа 1733 г. по февраль 1743 г. он — участник знаменитой в истории отечественной науки 2-й Камчатской экспедиции Витуса Беринга, руководитель сухопутного отряда по изучению Сибири. Результатом этого десятилетия явились многочисленные, ставшие классическими, труды Миллера по истории, географии, этнографии, археологии и языкознанию. До сих пор на русском языке не опубликована значительная часть «сибирских» работ Миллера, как и огромная коллекция письменных исторических источников, собранных во время экспедиции.

В начале 30-х гг. XVIII столетия в Академии в результате внутренних интриг для Г. Ф. Миллера сложилась несколько неблагоприятная обстановка. В поисках выхода из ситуации он, воспользовавшись случаем, «бежит» из Санкт-Петербурга: с августа 1733 г. по февраль 1743 г. он — участник знаменитой в истории отечественной науки 2-й Камчатской экспедиции Витуса Беринга, руководитель сухопутного отряда по изучению Сибири. Результатом этого десятилетия явились многочисленные, ставшие классическими, труды Миллера по истории, географии, этнографии, археологии и языкознанию. До сих пор на русском языке не опубликована значительная часть «сибирских» работ Миллера, как и огромная коллекция письменных исторических источников, собранных во время экспедиции.

Как писал блестящий ритор, литератор и историк науки, почетный член Академии наук митрополит Киевский Евгений Болховитинов: «Путешествие сие было самою обильнейшею жатвою для него и чрез него самою драгоценнейшею для Российской Истории, Географии и Статистики» [5, с. 59—60]. Почти за десять лет странствий по бескрайним сибирским просторам он со своими спутниками проехал 31 362 версты. Сибирский период жизни и деятельности Миллера наилучшим образом изучен [6].

Еще в 1744 г. Г. Ф. Миллер выдвигал мотивированное предложение об учреждении при Академии наук исторического департамента для сочинения истории и географии Российской Империи. По его мысли, это учреждение должно помещаться в каменном, безопасном от пожара доме и обязательно в Москве, «ибо сей город, — по его словам, — за центр всего государства почесть можно, где всякия известия способнее и скорее получены быть могут, также и в рассуждении того, что тамошние архивы сам историограф пересматривать имеет» [цит. по: 2, с. 341]. Через несколько лет, летом 1748 г., Г. Ф. Миллер, озабоченный сохранением рукописного и книжного собрания В. Н. Татищева, предлагал академическим чиновникам командировать его в Москву, где он еще ни разу не был. Кроме дел по приобретению собрания Татищева, Миллер предполагал там поработать в архивах и особенно с материалами Сибирского приказа, необходимыми ему для написания истории Сибири. Ученого в командировку не пустили, его обращения остались безответны. К сожалению, вскоре после кончины В. Н. Татищева весь его архив и библиотека погибли во время пожара в подмосковной усадьбе Болдино. Именно в 1748 г. Миллер впервые обратил свой взор на Москву, прежде всего как на объект научных устремлений. Этот год был поворотным в судьбе ученого. В январе он присягнул на русское подданство.

Конец 40-х гг. стал для Миллера началом периода долгих и непрестанных злоключений.

Человек гордый и самолюбивый, удивительно трудоспособный и во всем точный, он к тому же был чрезвычайно темпераментный. По характеристике современника, Миллер свой гнев «ни разу не умел укротить в себе при неслыханных неприятностях, испытанных им в Академии по возвращении из сибирскаго путешествия; напротив того казалось, что он делался еще заносчивее в глубоком сознании своего достоинства и низости своих преследователей. Он наделал себе множество врагов, могущественных, тайных и явных между товарищами чрез свое властолюбие, а между подчиненными — суровым обращением» [7, с. 26]. Справедливости ради следует подчеркнуть, что, как свидетельствуют источники, сам Миллер при таких чертах неукротимого характера никогда не выступал зачинщиком ссор. Довольно рано и на долгие годы у него сложились, мягко говоря, напряженные отношения с коллегами по Академии наук — учеными и чиновниками, литераторами и царедворцами: И. П. Елагиним, П. Н. Крекшиным, М. В. Ломоносовым, Г. Н. Тепловым, И. Д. Шумахером и др. По словам Шумахера, у Миллера «довольно хорошее русское произношение, громкий голос и присутствие духа, очень близкое к нахальству!» [цит. по: 2, с. 359].

Было бы чрезмерным упрощением все неприятности относить на счет особенностей его характера и зависти людей менее талантливых и менее трудоспособных. На самом деле, конечно, конфликт проходил между правом ученого на истину и достоверное знание и господствующими идеологиями, базирующимися на так называемой государственной целесообразности. В этом ракурсе «несчастия» Миллера стары как мир и особенно хорошо знакомы людям нынешнего столетия. Кредо Миллера-ученого — быть верным истине, бесстрастным и скромным. Характерны следующие собственные слова Г. Ф. Миллера, в которых и предопределен весь ход событий его жизни: «Обязанность историка трудно выподнить... он должен казаться без отечества, без веры, без государя... все, что историк говорит, должно быть строго истинно и никогда не должен он давать повод к возбуждению к себе подозрения в лести» [цит. по: 2, с. 381]. Высказываний подобного свойства немало в текстах русского историографа XVIII столетия.

Мы не будем здесь касаться всей череды неприятностей и неприятелей, неустанно десятилетиями преследовавших Миллера. О драматических событиях, в которых раскрывались характерные для нашей

Лицемерие никогда не было присуще моему характеру. Я пишу для общей пользы и потому буду представлять правду в том свете, в каком ее вижу.

Г. Ф. Миллер. 1779 г.

истории взаимоотношения ученых и бюрократов, всеильных своей наглостью и объединенных групповыми интересами, мастеров клеветы и доносительства, неоднократно писалось. Апофеозом гонений на Миллера стали обсуждения в 1749—1750-х гг. его произнесенной речи «Происхождение народа и имени российского», результатом которых явилось беспрецедентное разжалование историографа из академиков в адъюнкты с очень сильным сокращением жалованья. Как писал митрополит Евгений Болховитинов, чем более возрастала слава заслуг, оказанных Миллером нашему отечеству, тем более зависть старалась унижить и теснить его всеми способами.

После прощения и «амнистии» внешние невзгоды почти не касались ученого. Более того, указом президента Академии графа К. Г. Разумовского он был назначен на один из высших постов в Академии — должность конференц-секретаря. И здесь проявился талант Миллера, столь важный для обеспечения нормальной деятельности и поддержания престижа Академии наук. Речь идет об умении легко завязывать и вести переписку с совершенно разными лицами. К примеру, без малого два десятилетия он вел корреспонденцию с выдающимся оренбургским исследователем, первым членом-корреспондентом Академии П. И. Рычковым. Общее число корреспондентов Г. Ф. Миллера составляли несколько сот лиц.

Из наиболее важных дальнейших событий в жизни ученого необходимо отметить следующие.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

къ пользѣ и увеселенію

служащія.

Генварь, 1755 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ.

С 1755 г. в Санкт-Петербурге издаются «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», что явилось началом русской научно-популярной периодики. В XVIII в. в России это был первый научно-популярный и лучший литературный журнал, оказавший огромное влияние на просвещение, развитие отечественной журналистики, выработку и приобщение российского общества к нормам и ценностям высокой науки. В программном уведомлении, которым открывался первый номер журнала, его редактор Г. Ф. Миллер писал, что главной задачей является «сколько возможно возбудить во всех удовольствие, какое производит знание Наук» [8, с. 5]. Титульный лист журнала был украшен выразительной виньеткой с изображением карты России, над которой встает солнце, и с девизом: «Для Всех».

Автором большинства исторических и географических материалов, опубликованных в журнале, был сам Миллер. Среди его произведений наиболее важные: «Краткое известие о начале Новгорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших онаго города случаях» [9] — первое монографическое исследование истории Новгородской вечевой республики, «Опыт новейшей истории о России» [10] — первый в историографии труд, посвященный истории Смутного времени, и множество статей. Кстати, «Опыт ...» был запрещен к продолжению, в связи с последовавшим клеветническим доносом одного из коллег по Академии наук. Кроме самого Миллера в журнале, издававшемся по 1764 г., (т. е. до переезда ученого из Санкт-Петербурга в Москву), принимали участие практически все более или менее известные литераторы, члены Академии наук и первые русские провинциальные члены-корреспонденты и т. п. По часто цитируемому свидетельству митрополита Евгения, вся Россия «с жадностию и удовольствием читала сей первый Русский ежемесячник...» [5, с. 67]. В 1766 г., подводя итоги, создатель и редактор журнала с горечью писал своему корреспонденту: «Сколько терзался я, издавая в продолжение десяти лет русский журнал? Без сомнения по этой причине никто не нашелся, чтобы продолжать его» [11, с. 13]. Но имеются и другие его слова. В собственной автобиографии он не без гордости говорил: «Может быть, изо всех моих сочинений сие есть наиболее полезное для российского общества» [3, с. 151].

К середине столетия, что примерно соответствовало половине прожитой жизни ученого, Миллер прочно обустроил свой быт и дом, живя в «счаст-

ливом довольствии» и достатке. К этому времени он перебрался в каменный дом, приобретенный по случаю и с большой выгодой, на 13 линии Васильевского острова, ранее принадлежавший князьям Голицыным. Дом располагался напротив Морского кадетского корпуса, в котором Г. Ф. Миллер вскоре стал «прирабатывать». Много и неустанно трудясь, он имел большое по тем временам жалованье (свыше 1700 рублей в год), что позволяло не только иметь «хороший немецкий стол», но и собственный экипаж и даже не делать долги — явление по тем временам редкостное. Миллеровский дом был постоянно многолюден: семья хозяина, слуги (кучер, ключница, женщина для присмотра за детьми — крепостная чухонка), а также пользующиеся, иногда по несколько месяцев, бескорыстным великодушием своего знаменитого земляка «штудирующие» из германских земель. Среди них Миллер безуспешно все годы искал человека, способного стать наследником его научных занятий.

К началу 60-х гг. Миллер, несмотря на многие физические и особенно моральные испытания и страдания, сохранил хорошую физическую форму, и, по свидетельству современника, в свои пятьдесят шесть лет был «чрезвычайно бойким, у него были остроты и колкия возражения; из его маленьких глаз проглядывала сатира, а в образе мыслей его было что-то великое, справедливое, благородное». Этот же информатор, знаменитый академик А. Л. Шлецер, впоследствии пожалованный Александром I орденом Св. Владимира и дипломом с гербом на российское дворянство, писал о Миллере, что он «был тогда безспорно заслуженнейшим в России и известнейшим за границею ученым... В отношении достоинства России, которая им до сих пор очень пренебрегала, он был горячий патриот, и в разсуждениях о недостатках тогдашняго правительства, которых никто лучше его не знал, был крайне сдержан. И этот достойный человек, оказавший так много услуг России, после тридцатишестилетней службы был только профессором. Конечно, он не умел пресмыкаться — а кто тогда мог подняться вверх, не пресмыкаясь? К тому присоединилась еще другая причина — необыкновенная вспыльчивость» [7, с. 26]. Оценка деятельности Г. Ф. Миллера, данная А. Л. Шлецером, тем более значима, что они отнюдь не находились в дружеских отношениях.

Здесь необходим небольшой комментарий. Дело в том, что в XVIII столетии должность академика Санкт-Петербургской академии наук не имела соответствия в «Табели о рангах». И члены Академии наук предпринимали большие усилия, чтобы получить государственный чин. Миллер начиная с 1759 г. также делает многократные попытки решить эту важную проблему, тем более что некоторые более молодые коллеги раньше его преуспели на этом пути. В Санкт-Петербурге эту проблему, существенную не столько для удовлетворения ущемленного самолюбия, сколько для обеспечения будущего своей семьи, ему так и не удалось разрешить. Гибкий ум ученого искал свой особый путь. Он пролегал через Москву, но был нескор и довольно извилист.

Последний период жизни Миллера пришелся на время правления Екатерины Великой, с которой он неоднократно встречался еще в бытность ее великой княгиней и о которой отзывался с неизменным энтузиазмом. Еще

П. П. Пекарский обратил внимание на то, что после 1761 г. прямых нападок на ученого и на издаваемые им «Ежемесячные сочинения» не было, не без основания связывая это с именем Екатерины II. Решающая встреча, очевидно, произошла 21 октября 1764 г. Императрица милостиво беседовала с историком о разнообразных предметах в течение часа [11, с. 56].

1 января 1765 г., по докладу И. И. Бецкого, Екатерина II назначила Г. Ф. Миллера главным надзирателем в учрежденном в Москве Воспитательном доме «несчастно рожденных младенцев» с чином коллежского советника и с оставлением при Академии в звании историографа.

Это, на первый взгляд, довольно странное назначение на самом деле свидетельствовало о доверии императрицы. Дело в том, что создание системы закрытых учебно-воспитательных учреждений — воспитательных домов

*Бецкой Иван Иванович.
Гравюра. 1794 г.*

для самых обездоленных: детей-сирот, подкидышей и т. п. — явилось одним из первых деяний начавшегося правления Екатерины II. Еще в 1763 г. она утвердила составленный И. И. Бецким Генеральный план Императорского Воспитательного дома в Москве, имевший не только гуманитарный смысл, но и преследовавший вполне прагматические государственные цели создания новой «породы» людей, тех, кого называли третьим сословием, на кого хотела опереться государственная власть, тех, кого так не хватало в феодальной Российской Империи. В 60—70-е гг. XVIII в. воспитательные дома появились в Санкт-

Петербурге, в губернских и даже в некоторых уездных городах. Система обучения в воспитательных домах была дифференцированной. Образовательный цикл начинался с 7-летнего возраста. Наиболее талантливых обучали иностранным языкам, посылали для дальнейшего обучения в Императорский Московский университет, Академию художеств и даже в заграничные учебные центры. Создание в Москве Воспитательного дома — очень важное событие в жизни города; оно сигнализировало о «новых» временах.

Миллер принял это почетное назначение в «уповании, что притом возможно мне будет пользоваться московскими архивами для российской истории, о чем я был и обнадежен» [3, с. 153], безусловно, рассчитывая на временный характер столь несвойственной ему сферы деятельности. Здесь уместно напомнить о том, как в петербургский период он всеми силами добивался освобождения от педагогических обязанностей по Академическому университету, за что имел немало упреков со стороны и начальства, и сверхбдительных коллег.

Миллер в Москве

В марте 1765 г., окончательно переселившись в Москву, Г. Ф. Миллер сразу же начал искать пути освобождения от новой странной профессии, и среди прочих вариантов в его голове возник план просить для себя вакантное место Воронежского губернатора. Тем не менее он успел написать историю первых лет Воспитательного дома, составил записку об учреждении в Москве школы для детей бедных родителей и дома для престарелых и немощных, а также подготовил несколько записок, касающихся устава Московского университета, учреждения в России школ и т. п.

Впрочем, Москва ему нравилась. Здесь он сразу же почувствовал возможность жить в мире и спокойствии, и, как он сам писал: «здесьшний воздух мне полезен; мои занятия чем далее, тем более мне по сердцу...»*.

И вот в конце первого года пребывания в Москве удача наконец улыбнулась Г. Ф. Миллеру. Он был пожалован в члены Государственной коллегии иностранных дел при Московском архиве. С назначением в марте 1766 г. на эту должность с существенным увеличением жалованья, историограф «вступил в настоящую свою стихию»**.

Деятельность Миллера в качестве первого профессионального историка-архивиста, организатора первого русского исторического архива и создателя первой русской школы архивистов более или менее изучена, чего нельзя сказать о его широкомасштабной и многогранной культурно-просветительской работе в московский период.

* Любопытно, что примерно в то же время подобные чувства выражал писатель, поэт и переводчик А. П. Сумароков. Так, в письме к графу Г. Г. Орлову в январе 1769 г. он сообщал: «...а в Москве я всегда здоровее» [12, с. 115].

** В архиве ученого сохранился один примечательный документ, который почему-то не привлек должного внимания исследователей. Это подготовленное для печати, но не изданное «Краткое уведомление о училище и пенсионерном содержании, которое находится в доме господина коллежского советника Миллера, за Яузою на большой улице, где прежде была Яузская аптека» [13]. Как видно, Г. Ф. Миллер намеревался открыть в Москве собственную школу, причем работа над проектом, судя по ряду датирующих признаков, началась еще в бытность его в Воспитательном доме и продолжалась как минимум до ноября 1766 г. включительно. Этот подробный и детально отработанный документ достоин специального изучения и включения в историю русской педагогической мысли XVIII в. и историю реформ русской школы, в развитии которых Миллер сыграл значительную роль.

Московский Воспитательный дом.
Фрагмент гравюры
с изображением И. И. Бецкого

Г. Ф. Миллер был первым живущим и работающим в Москве русским академиком. В 60-е гг. Москва, в сравнении с северной столицей, — в научном отношении, без преувеличения, глухая провинция*. Московский университет лишь завершал первое десятилетие своего существования. Других, такого же масштаба, светских научных учреждений здесь до переезда Миллера и создания архивного научного центра не было. Кроме того, с ним в Москву как бы переехала из Санкт-Петербурга часть Академии наук, поскольку он не только сумел сохранить за собой почти все служебные обязанности по Академии, но и сделал Москву координационным центром экспедиций 60-х гг. XVIII в. Значение этих комплексных научных экспедиций чрезвычайно велико в истории отечественной и мировой науки.

1767 г. — год славы Г. Ф. Миллера. Зимой Екатерина II и двор были в Москве, и ученый семь раз призывался к императрице для обсуждения различных научных проблем, после чего она приказала выдать ему 6 тысяч рублей на покупку каменного дома. Московский каменный дом Миллера с дворовым и усадебным местом, по его же собственным словам, находился за Яузюю «на большой улице, едучи к Таганке, в приходе церкви Симеона Столпника (на урочище, что на Вшивой горке), где прежде была аптека» [15, с. 132]. В том же году как старейший член Академии наук Г. Ф. Миллер был выбран первым среди русских ученых депутатом знаменитой законодательной «Комиссии о составлении нового Уложения». В «Наказе», данном Академией наук (кстати, единственной среди тогдашних научных учреждений, представленных в Уложенной комиссии), депутату Миллеру вменялось в обязанность не только стараться о пользе, «от наук происходящей», но и значительное внимание уделять общим проблемам развития системы образования в России с низшей ступени до университетов. Автором «Наказа», подписанного 24 августа 1767 г. директором Академии графом В. Г. Орловым и двенадцатью академиками, в его первой, основной редакции был Г. Ф. Миллер, и поэтому вопросы образования и просвещения оказались здесь главенствующими. Хорошо осведомленный о состоянии дел, Миллер имел основания писать: «От заведенных в России училищ до сей поры плодов не видно таких, какими чужестранная государства от своих пользуютя». Среди прочих мер по исправлению ситуации был в «Наказе» и специальный пункт о более строгой экспертизе знаний и педагогических достоинств домашних учителей-иностранцев. Речь шла не только об учителях-мужчинах — «Мадамы также и мамзели пользуютя преимуществом учить и воспитывать наше юношество без одобрительного свидетелства о своем поведении, а в самом деле многия из них не только худаго, но и безчестнаго поведения» [16, с. 371—372]. Нужды, собственно, ученой корпорации в

* В письмах А. П. Сумарокова (начало 70-х гг.) содержатся и такие характеристики Москвы: «...все улицы в Москве невежеством вымощены толщиною аршина три», «...исправления паче всего здешнему городу, утопающему в упрямстве и невежестве, желаю» и т. п. [12, с. 139, 156—157, 122]. Можно также опереться и на такой высокий авторитет историка науки, как В. И. Вернадский, характеризовавший Московский университет первых десятилетий как весьма слабую научную силу [14, с. 70].

*Вид Яузского моста и урочища Вишвая горка.
Гравюра Ф.-Б. Лорье по оригиналу Ж. Делабарта. 1797 г.*

«Наказе» были не очень детально представлены, поскольку тогда ожидали скорого появления нового академического Устава. Как известно, работа Уложенной комиссии формально не завершилась, а новый Регламент Академии наук пришлось ждать более трех десятилетий — до 1803 г.

Но жизнь в Москве шла своим чередом, в привычном для историографа ритме: напряженная работа с раннего утра до ночи с небольшим послеобеденным отдыхом.

Тяжелым выдалось начало 70-х гг. для Г. Ф. Миллера. В 1771 г. разразилась страшная эпидемия чумы, вызвавшая серьезные социальные потрясения, память о которых глубоко вошла в историю города. Весной следующего года у Миллера произошел первый удар как следствие переживаний от губительного пожара: рядом с его домом, хранящим не только нажитое, но и бесценные сокровища — его документальное собрание — выгорели сотни домов. Удар повторился и на следующий год. Но к 1774 г. Миллер чувствовал себя уже достаточно хорошо. Вероятно, с этого времени мысль о сбережении от пожара и сохранении для потомков своего архива не покидала его до тех пор, пока после долгих переговоров его коллекция не была куплена по именному указу Екатерины II за 20 тысяч рублей для Московского архива Коллегии иностранных дел с предоставлением ученому права пожизненного пользования собранием.

В середине 70-х гг. отмечался полувековой юбилей Академии наук, и Миллер как историограф и как старейший член Академии получил задание

ный опыт составления подобного словаря В. Н. Татищевым (доведен до буквы «К»), списком которого располагал и Г. Ф. Миллер. Я думаю, что велика вероятность подсказки идеи создания географического словаря и указания источников информации со стороны Миллера. Будучи человеком заинтересованным в приращении научных знаний, Миллер мог многим высказывать мысль о необходимости создания словаря. Но случилось так, что только Ф. А. Полунин, предрасположенный к систематико-словарной работе*, взялся за этот непосильный для одного человека труд. Обращает на себя внимание характер источников информации, использованных Полуниным при составлении первой редакции словаря. Это в абсолютном большинстве или работы самого Миллера, или исследователей из его окружения. Наконец, вряд ли можно считать случайным, что именно Миллеру был дан в 1770 г., «с согласия отсутствующаго г. Полунина», для исправления и дополнения первый вариант текста словаря, готовившийся к изданию университетской типографией. (В самом Московском университете были специалисты — географы и историки!) Миллер оперативно и более чем основательно переработал словарь. Сохранившийся в его «Портфелях» (№ 369) черновой список, содержащий бесчисленное количество исправлений и заново написанных текстов, убедительно свидетельствует об этом. Изучение архивной рукописи показало абсолютную правдивость Миллера, писавшего в предисловии к словарю о своем авторстве многих статей, в том числе «Россия», «Санкт-Петербург» и «Москва». По праву на титуле первого в русской научной литературе географического словаря, изданного в 1773 г., стоят две фамилии — Полунина и Миллера.

Издание словаря задержалось на два года из-за свирепствовавшей тогда в Москве чумы, жертвами которой стали не только служащие университетской типографии, но и Московского архива Коллегии иностранных дел (в дальнейшем — МАКИД). Смерть во время эпидемии старших по чину и стажу работников МАКИД (в том числе тайного советника М. Г. Собакина) послужила невольным основанием к юридическому оформлению в Архиве главенствующего положения Г. Ф. Миллера.

Итак, автором первого опубликованного научного описания Москвы был академик Г. Ф. Миллер. Однако это вовсе не означает, что именно к

---

* В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) сохранился уникальный экземпляр незавершенного издания — «Новой полной немецкой словарь, на российской переведенной коллежским асессором и города Вереи воеводою Федором Полуниным». Этот словарь, обрывающийся на странице 90 («Var»), был отпечатан в 1776 г. в той же университетской типографии и иждивением того же Х. Л. Вевера, что и Географический словарь. Высказанное предположение находит также косвенное подтверждение в участии Миллера, опытного и тонкого знатока исторических источников, умевшего формулировать самые актуальные научные проблемы, в начинаниях многих исследователей и литераторов, обязанных ему идеями и материалами для их реализации. В пользу вероятности такого предположения может служить и привлечение Г. Ф. Миллером в 50-е гг. к сотрудничеству в журнале «Ежемесячные сочинения» среди других воспитанников Шляхетного кадетского корпуса и Ф. А. Полунина. Тогда он выступил в качестве переводчика научно-литературных произведений просветительского характера.

этому времени относится начало его работы над историей Москвы. Архив хранит множество следов осознанного интереса исследователя к истории Москвы — города как такового, а не только как многовековой столицы Российского государства. Это многочисленные рукописные материалы самого Миллера и других авторов, начало сбора которых было положено еще до переезда из Санкт-Петербурга в Москву. В их числе: собственноручные краткие черновые записки В. Н. Татищева «О устройении Москвы, в начале ея» [17], несколько списков с летописных текстов и сказаний о начале Москвы, выписанных из «Рукописнаго летописца, которой иман после Чюдовского келаря Варлаама» [18] и «Новгородскаго летописца церкви св. Софии» [19], полный копияный текст книги М. И. Ильинского «Опыт исторического описания о начале города Москвы» [20], список до сих пор не изданной работы землемера Ф. А. Охтенского «Описание города Москвы» [21]* и многие другие материалы и описания.

Материалы по истории московской церковной археологии Миллер собирал специально. Они составляют несколько «Портфелей» его архива и касаются не только православного вероисповедания, но и иных конфессий [22]. Причем его интересовала и такая специфическая статистика, как описание церковных приделов по именам святых с указанием даты их памяти.

В его собрании хранятся материалы по истории катастрофического Московского пожара 1626 г. и последовавшего после него установления нового размера ширины улиц и переулков в городе. Пристальный интерес вызывали у исследователя катастрофы и эпидемии, случавшиеся в истории города, вне зависимости от того, к какому времени они относились. Так, его коллекция материалов, связанная с эпидемией чумы и драматическими событиями в Москве, развернувшимися на его глазах, является и поныне важнейшим историческим источником.

Особое внимание ученого вызывали страницы истории учебных и научных учреждений, как, например, Московская славяно-греко-латинская академия. Московский университет, с которым Миллер находился в постоянном контакте, представлен в его собрании коллекцией печатных программ, каталогов и всевозможных объявлений о торжественных публичных собраниях и лекциях, оригиналов и копий речей университетских профессоров, собственная переписка с преподавателями, чиновниками и издателями и, наконец, его собственные проекты, записки и предложения по вопросам управления Университетом, его финансового положения, университетской гимназии.

Интересовали ученого и такие специальные данные, как статистические материалы о рождаемости, смертности и заключенных браках по Московской губернии [23], количестве купечества, фабрикантов и мещан в Москве [24].

Наряду со всем перечисленным Миллер собирал копии с исторических надписей на зданиях, колоколах и прочих древностях московских: надгробия Вознесенского монастыря, Архангельского собора, надписи других Кремлевских и Китайгородских сооружений — Кремлевского дворца, Чу-

* Готовится к публикации в сборнике: «Москва в описаниях XVIII века».

дова монастыря, колокольни Ивана Великого, Спасских ворот, Книгопечатного двора, Сухаревой башни [25]. Эти материалы имеют не только мемориальную ценность, поскольку многих надписей и сооружений уже нет, но они позволяют считать Г. Ф. Миллера одним из первых русских специалистов по особой исторической дисциплине — эпиграфике.

Этот список можно продолжать и продолжать. Помимо того, что великий собиратель Миллер оставил огромное наследие историкам Москвы и Подмосковья, следует специально подчеркнуть его большое, порой решающее влияние, оказанное им на формирование интереса к истории Москвы у большинства первых ее исследователей — А. П. Сумарокова, М. И. Ильинского, Л. М. Максимовича, А. Ф. Малиновского и других.

Годы брали свое. За весь более чем полувековой трудовой стаж ученый ни разу (!) не брал отпуск. В 1782 г., когда впервые по специальному формуляру по всем присутственным местам в государстве собиралась информация о службе «отличившихся трудами и заслугами по силе новаго статуса о учреждении ордена святого Владимира», в МАКИД также подготовили соответствующие данные. В этой ведомости Г. Ф. Миллер собственноручно записал, что в отпусках не бывал, а отвечая на вопрос о соответствии своих заслуг статусу ордена Св. Владимира, с нескрываемым раздражением вывел: *«то пятидесяти семи летной службе кажется заслужил»* [26, л. 59—60].

Когда ученому «перевалило» за семьдесят, — возраст весьма почтенный, а по тем временам и вообще редкий, то по совету «искусных врачей он решил отправиться в небольшое путешествие для поправления своего здоровья», чтобы «учинить Московской провинции географическое описание», результатом которого и стали его путевые очерки и отдельные описания подмосковных городов и монастырей.

Последнее путешествие Г. Ф. Миллера — первая научная экспедиция по Московской провинции

Сам Г. Ф. Миллер, хотя и немного, но все же рассказал о том, как было организовано путешествие и как он добивался получения необходимой ему научной информации.

Находясь на службе в двух ведомствах, Миллер предварительно обратился в Государственную коллегия иностранных дел и в Академию наук за разрешением совершить путешествие по городам и уездам Московской провинции. Мотивировал он это необходимостью отдыха, имея при этом в виду подготовить географическое описание Московской провинции «по той мере, как предложено от Академии наук в печатном плане»*. Ученый

* О каком именно печатном плане шла речь не совсем ясно. В. Ф. Гнучева предполагала, что это был план общего топографического и физического описания Российской Империи, подготовленный особым топографическим комитетом в 1777 г. [27, с. 116]. А. Б. Каменский склонен считать, что «печатный план» — это рукописные инструкции самого Миллера, составленные им еще во время пребывания в Сибири, и в 1759 г. — для А. Дубровского [28, с. 42—43]. Однако путевые очерки весьма мало похожи на научный труд в строгом смысле этого понятия и не соответствовали ни одной из известных академических инструкций или анкет.

получил разрешение этих двух ведомств. В разрешении Коллегии иностранных дел содержатся любопытные сведения о его первоначальных планах «путешествовать по городам Московской провинции, а притом возвращаться часто и в Москву, и по обстоятельствам в другие сей же провинции города отправится, так, чтоб он мог до осени всю Московскую губернию объехав, окончать оное путешествие в начале сентября месяца. А намерение его есть неупотребить время оное втуне, но учинить всей Московской провинции географическое описание по той мере, как предложено от Академии наук в печатном плане, чего для уповать, что Академия наук согласится на то дать потребное иждивение и просит, чтоб позволено было ему отбыть на толикое время, о продолжении своей при Архиве и от Москвы без вычета жалованья» [29, л. 31—31 об.]. Академия дала распоряжение Московской академической книжной лавке выдать просимые денежные средства на покупку дорожного экипажа, прогоны и прочие путевые издержки. Это же ведомство выдало ему прошнурованную книгу для записывания прихода и расхода денег, полученных для путешествия. Протокол Конференции Академии наук датирован 15 января 1778 г.

Готовясь к путешествию, Г. Ф. Миллер купил для себя за 30 рублей старую дорожную коляску и привел ее в порядок, заплатив 70 копеек за починку. Новая кибитка для отправлявшегося с ним переводчика А. М. Андреева стоила 13 рублей. Взяв в запас веревки, топоры, деготь и прочие непременно необходимые тогда путешествуящему предметы, к началу лета

1778 г. экспедиция была полностью экипирована [30, л. 26].

Загодя он получил циркулярное предписание московского главнокомандующего князя М. Н. Волконского ко всем руководителям администрации провинциальных городов, дабы те оказывали ученому всяческую «в делах, до моего сведения подлежащих», поддержку. М. Н. Волконский оказал также содействие в организации экспедиции, и по просьбе ученого выделил трех солдат Московского гарнизона, один из которых остался в Москве охранять дом Г. Ф. Миллера во время его отсутствия. В свою очередь генерал-губернатор Москвы, любитель наук и искусств, граф Ф. А. Остерман посылал соответствующие письма к воеводам городов Московской провинции.

*Князь Михаил Никитич Волконский.
Неизвестный художник конца XVIII в.
Холст. Масло*

Во время путешествия Г. Ф. Миллера везде встречали с уважением и почтением. Все местные начальники — и светские, и церковные — готовы были услужить ему, сопровождали его по достопримечательным местам, интересовавшим ученого, и предоставляли ему свое жилище, стол и экипаж. Знаки внимания получал знаменитый путешественник и со стороны небогатых помещиков и аристократов. Так, к примеру, воевода Переславля-Залесского выслал впереди экспедиции своего солдата, чтобы не было задержки в перемене лошадей. Так поступали и другие правители провинциальных городов.

Маршрутами Миллера по Московской провинции

Не имея возможности детального анализа путешествий Г. Ф. Миллера и подготовленных им очерков и статей [31], я ограничусь лишь общей характеристикой.

Г. Ф. Миллер четыре раза покидал столицу. Трижды в 1778 г. маршрутами: на юго-восток — Коломна, Дединово; на северо-восток — Троица, Александров, Переславль-Залесский; на запад — Можайск, Коломна, Звенигород. Последний неоконченный маршрут 1779 г. пролегал на Дмитров, Клин. Далее планировалось посетить Волоколамск, Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь.

3 июня 1778 г., заплатив при отъезде в Земской конторе прогонные деньги за 8 лошадей до села Островцы, Г. Ф. Миллер отправился в свое первое путешествие по Московской провинции. Путь его лежал на юго-восток, к тому месту, где Москва-река впадает в Оку, в древнюю Коломну, которая лишь на тридцать лет, согласно летописной традиции, моложе Москвы. Можно только догадываться, почему Коломна была выбрана для первого путешествия. Но нельзя не обратить внимание, что маршрут Коломна — Переславль-Залесский — Можайск, — а именно в такой последовательности продвигалась экспедиция Г. Ф. Миллера, — точно соответствует исторической последовательности, в какой шло на первом этапе формирование Московского княжества. Эти города были присоединены к Москве соответственно в 1301, 1302 и 1303 гг., и они составили изначальное территориальное ядро Московского государства.

Сопровождали Миллера двое солдат и переводчик из Академии А. М. Андреев. По дороге в Коломну путешественник делал остановки и осматривал все по части истории и землеописания. Причем его в равной мере занимали исторические памятники, церковные реликвии, хранимые в храме или монастыре, фабрики и заводы, характер и объемы местного рынка, сады и парки, особенности местной флоры и фауны, плодородие почвы, всевозможные статистические данные и вообще все достойное внимания и удивления. Причем каждый экспедиционный маршрут имел для Миллера особый смысл. Так, по пути в Коломну его особенно интересовали село Дединово, с которым связано создание русского флота, казенный конный завод в селе Бронницы, знаменитые известняковые каменоломни в селе Мячкове и др.

Материалы первого путешествия, завершившегося 15 июня, составили: опубликованный на русском и немецком языках отчет, отдельный очерк истории города Коломны, опубликованный при жизни Г. Ф. Миллера только на немецком языке, и никогда не издававшееся экономическое описание города Коломны и Коломенского уезда.

«Почувствовав от первой моей поездки в Коломну некоторое в здравии облехчение» [32, л. 21], отдохнув и приведя в порядок накопившиеся дела, Миллер примерно через две недели отправился во второе свое путешествие.

Второго июля он за час проехал пол-Москвы от своего дома до края города, где начиналась Троицкая дорога. Уже на пятой версте от заставы путешественник осматривал остатки первого путевого царского дворца в селе Алексеевском. И далее, вплоть до Троицкого монастыря, шли сплошь исторические места, связанные с самыми драматическими страницами отечественной истории, — феодальными войнами, событиями Смутного времени, стрелецкими бунтами, сравнительно недавними событиями — начала царствования Петра. Это были села: Ростокино, Мытищи, Пушкино, Братовщина, Софрино, Воздвиженское... О каждом из этих мест Миллер пытался собрать информацию и поделиться своими впечатлениями от увиденного с будущими читателями. Причем в ряде случаев сообщаемые им сведения или уникальны, или просто чрезвычайно любопытны.

На второй день Миллер прибыл в конечный пункт первого этапа путешествия. Здесь, в Троицком монастыре, он встретил несколько своих старых знакомых. Это были — Петр Пономарев (в монашестве Павел), Андрей Байбаков (Аполлос), М. И. Ильинский и другие известные церковные и светские деятели культурного движения XVIII столетия. О каждом из них автор рассказал с глубоким уважением, отдавая должное их знаниям и талантам [см. 33]. Все они занимали руководящие посты в монастыре и семинарии, были или стали затем крупными писателями, а М. И. Ильинскому принадлежит авторство первой опубликованной книги по истории Москвы.

Широкий круг знакомых Миллера в Троице-Сергиевом монастыре, сам дух которого при знаменитом архимандрите и архиепископе Московском Платоне (П. Г. Левшине) был проникнут идеями просвещения и гуманизма, способствовал более чем теплому приему, оказанному здесь именитому путешественнику. Тотчас по прибытии отец-наместник выслал Миллеру свою карету, запряженную четверкой лошадей, в самом монастыре его принимали с такой «благодарностью, с которою достопамятности монастыря... показывали», что привели его к мысли «зделать описание онаго, каковаго еще не бывало» [33, с. 18—19]. Еще большая честь была оказана Миллеру на следующий день во время посещения монастыря и семинарии, когда специально в его присутствии был устроен публичный диспут. Удовлетворенный увиденным и услышанным, ученый оставил замечательное, хотя и краткое, описание тогдашней Троицкой семинарии.

Кроме прославленного Троице-Сергиева монастыря, Миллера — автора «Опыта новой Российской истории» интересовало и другое, неподалеку расположенное, историческое место — село Деулино, в котором в 1618 г.

было заключено перемирие с Польшей. Подобного рода достопамятные места всегда привлекали особое внимание историка.

В дилемме — вернуться в Москву и обобщить накопленные материалы и впечатления или продолжить путешествие далее — победила, конечно, неумная любознательность Миллера. На рассвете 5 июля его небольшой отряд покинул Троицу и к 10 часам утра достиг Александровой слободы, известной событиями времен Ивана Грозного, и знаменитой не только тем, что именно там состоялось учреждение Опричнины, но и тем, что там существовала одна из древнейших русских типографий.

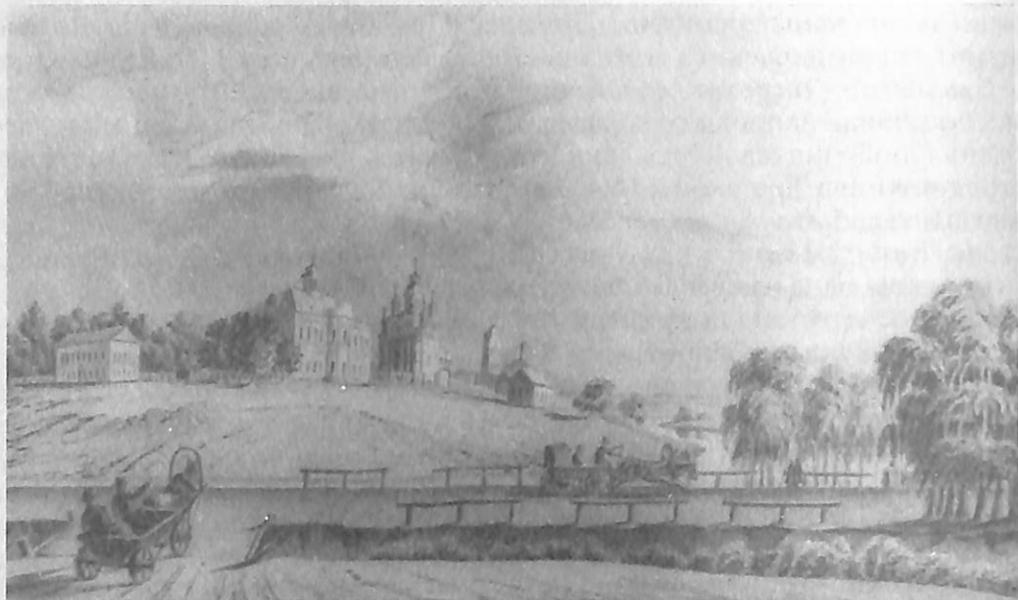
На рассвете 6 июля экспедиция Миллера взяла путь на Переславль-Залесский, куда они и прибыли в 9 часов утра. Здесь он пробыл три дня «и столь много собрал хороших известий, что не раскаялся о предпринятом ... сюда путешествии». И действительно, пространный очерк о Переславле-Залесском является одним из интереснейших и наиболее информационно насыщенных. К сожалению, Миллер не оставил сведений о своих спутниках, кроме информации о сопровождавших его двух солдатах Московского гарнизона, академического переводчика и, надо полагать, слуг. Но вот в конце рассказа становится ясно, что в этом маршруте его сопровождал специально напросившийся в спутники молодой гвардейский поручик — князь Василий Никитич Мещерский. Он, как можно понять из текста, так вдохновился патриотическим примером старого академика, что «по своей похвальной склонности познать свое отечество» отправился далее на север, в Ростов — осмотреть и описать «тамошния достопамятности». Миллер надеялся получить примечания Мещерского и собирался опубликовать их вместе со своим очерком о Переславле [33, с. 47].

Дни стояли на редкость жаркие, и возвратный путь в Москву Миллер предпочел начать в 6 часов вечера. Было это 9 июля. Быстро меня лошадей и рано поутру (в 6 часов) в Троице позавтракав на скорую руку, путешественники, двигаясь без остановки, вернулись домой в 3 часа дня 10 июля «в великой усталости».

И вновь, как и в прошлый раз, две недели отдыха — и в путь. Как писал сам Миллер, поначалу он намеревался отправиться в Дмитров и Клин, но знакомый ему князь Н. М. Голицын, владелец знаменитой усадьбы Вяземы, упросил посетить его поместье. Действительно, сохранилось трудночитаемое письмо Н. М. Голицына от 4(?) июля 1778 г., в котором он настойчиво просит ученого «ощастливить меня посещением Вашим...» [34, л. 11]. И вот 24 июля после обеда небольшой караван, миновав Дорогомиловский мост, пустился в путь по Можайской дороге.

Село Вяземы, до которого путешественники доехали в тот же день, и где они заночевали, давно интересовало Миллера, прежде всего как владение царя Бориса, главного героя трагических событий конца XVI — начала XVII столетий. Об этой знаменитой и в анналах истории, и своими выдающимися памятниками архитектуры усадьбе Большие Вяземы подробно и занимательно рассказано Миллером (см. [35]).

Близлежащие места также несли на себе глубокие следы далекого про-

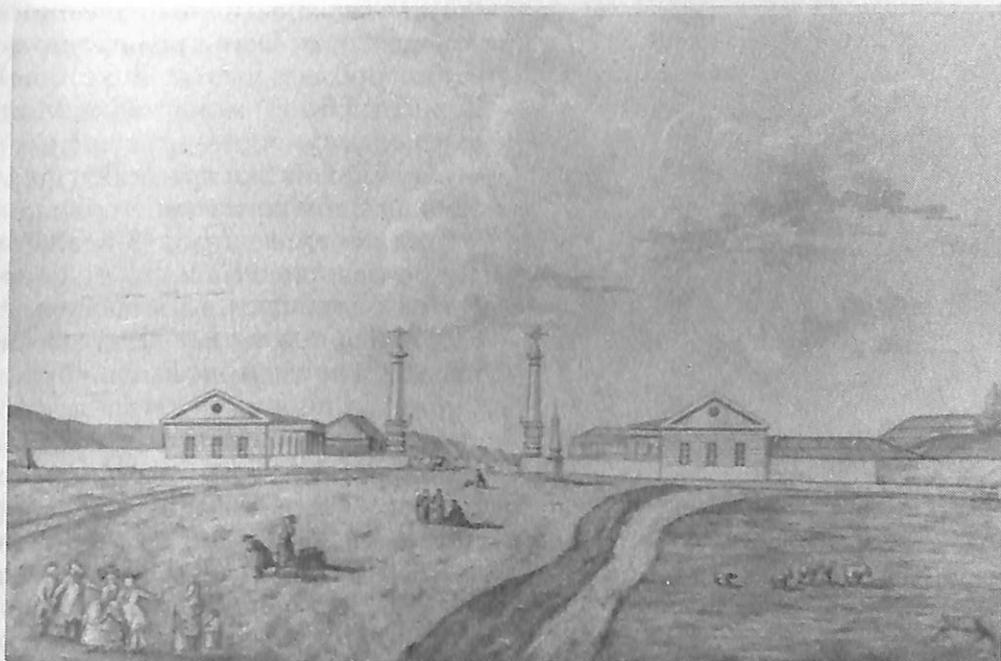

*Усадьба «Вяземь».
Рисунок И. Тучнина. I половина XIX в.*

шлого. Это были престольные города удельных княжеств (Можайск, Звенигород), знаменитые обители (Лужецкий и Саввино-Сторожевский монастыри), другие памятные места. Миллер с особым вниманием изучил остатки Борисова городка, связанного с жизнью Бориса Годунова. Он оставил не только описание «Царева Борисова городка», но и правильно проанализировал основные моменты его недолгой истории. Описание Миллера интересно не только как непосредственное свидетельство, но оно чрезвычайно ценно для истории русской архитектуры и строительной техники, поскольку спустя недолгое время после посещения Миллером все каменные сооружения Борисова городка, включая выдающуюся по своей красоте и выразительности и грандиозную по высоте Борисоглебскую церковь, разобрали в начале XIX в. для строительства присутственных мест в соседних Верее и Можайске (см. [35]).

Поутру 1 августа, въехав в Москву через Тверскую-Ямскую слободу, Миллер завершил свое путешествие и в тот год больше не покидал Москву.

Хотя он и не пишет об этом прямо, но, вероятно, на скорое возвращение повлияла и физическая усталость, а может быть, и недомогание. Миллер сам позднее признался, что всю зиму начиная с 18 октября он сильно болел. Тем не менее путешествия 1778 г. по Московской провинции оказались чрезвычайно удачными и плодотворными, а посещения Коломны, Переславля-Залесского и особенно Можайска и Звенигорода вылились не только в характерные путевые описания, но и стимулировали создание целой серии специальных очерков, посвященных примечательным местам Московской провинции (см. [31]).

*Москва. Тверская застава.
Гравюра Ф. И. Кампореги. 1789 г.*

После тяжелой зимы, как только настали погожие весенние дни и вместе с ними некоторое облегчение в состоянии здоровья, Г. Ф. Миллер вновь стал «ласкаться» надеждою: «Ежли и сим летом предприму такияж небольшая поездки, каковыя в прошлом году, то могу подкрепить некоторым образом чрез то свое здоровье. Охота моя полезным быть в землеописании, при том от меня не отставала» [36, л. 1].

11 мая, заплатив предварительно в Московской Ямской канцелярии прогонные деньги, Г. Ф. Миллер начал последнюю в своей жизни экспедицию. Продвигаясь без долгих остановок, путешественники на рассвете следующего дня достигли Дмитрова. Переменяя по пути лошадей, экспедиция двигалась без остановок и ночью. Несмотря на холод, наконец в 5 часов утра 12 мая она прибыла в Дмитров.

Словно бы предчувствуя, что может не хватить времени на подготовку обстоятельного очерка об этом городе, Г. Ф. Миллер в путешественном описании подробнейшим образом рассмотрел, как обычно, без ошибок и исчерпывающе, историю Дмитрова, анализируя местные устные предания и современное состояние города (см. [36]).

Его описание, как никогда, насыщено размышлениями общего характера: о вреде для государства бывшего в древности дробления на уделы, об аграрном (садово-огородном), по преимуществу, характере уездных городов, о недостатках в земледелии и скотоводстве, о росте каждые четыре года стоимости винных откупов, который, подобно барометру, свидетель-

*Франц Яковлевич Гарднер.
Гравюра. XVIII в.*

ствует о «важности» того или иного города и т. п. Осмотрев древнюю часть города и почти запустелый Борисоглебский монастырь, Миллер выдвинул идею размещения в монастырских постройках учрежденной годом ранее семинарии*.

На следующее утро, 13-го, Миллер поспешил по Кашинской дороге к селу Вербилки, в котором за десять с небольшим лет до этого английский предприниматель Франц Гарднер основал первое на Московской земле и в России частное предприятие по изготовлению фарфоровых изделий. (Этот завод принадлежал фамилии Гарднеров до 1892 г., когда он был продан М. С. Кузнецову.)

На заводе Миллер пробыл всю вторую половину дня, внимательно знакомясь с устройством мас-

терских, с материалами, используемыми при изготовлении фарфора, характером и особенностями редкого тогда еще производства; ему, в частности, были продемонстрированы «новейшие опыты» по совершенствованию качества и цвета глазури. В результате появился первый в научной литературе очерк о первом фарфоровом заводе в Московской провинции. Пожалуй, чуть более экспрессивно выражены мысли ученого о недостатках российского фабрично-заводского законодательства: о невозможности для иностранцев и русских «неблагородного» сословия владеть землями и крепостными, т. е. не иметь постоянной рабочей силы и т. д. Глубоко вникнув в состояние дел предприятия, Миллер разразился целой речью в защиту смелого и удачливого предпринимателя. Путешественник говорил, что такое редкостное предприятие, как фарфоровый завод, выпускающий конкурентную продукцию, дающий работу и пропитание сотням людей, делает честь России. Чтобы оградить полезных для государства фабрикантов от произ-

* Это предложение корреспондируется с тогдашней ситуацией как в отношении массового запустения монастырей после секуляризации, так и с попытками проведения общегосударственной школьной реформы. Например, доклад «Генеральный план гимназий или государственных училищ», подготовленный в 1764 г. для Екатерины II академической комиссией Г. Н. Теплова при участии Г. Ф. Миллера, содержал следующий пункт: «Монастыри по большей части выстроены на таких приятных и выгодных местах, а из некоторых монахи переведены в другие, следовательно, оные места остались пусты, то таковые монастыри, ежели они в рассуждении прочих обстоятельств способными найдется, на сие благодатное и человеческому роду толь полезное дело весьма удобны...» [37, с. 218].

вола помещиков, необходимо, писал он, если и не изменять законы, то хотя бы делать исключения из правил: «Чем какая фабрика важнее, знатнее, полезнее и славнее, тем более кажется заслуживает она изъятия из общих правил» [36, л. 12—16 об.].

Как и планировалось, его дальнейший путь лежал на запад, к городу Клину. По пути следования мелькали деревни и села, в основном бывшие монастырские владения. В полночь была остановка в Рогачеве — меняли лошадей. Отсюда не очень далеко было до устья реки Дубны, и Миллер вспомнил, как почти полвека тому назад, в 1733 г. он, плывя по Волге из Твери в Казань, направлялся в свое первое путешествие по Российской Империи. Здесь в его памяти сомкнулось время и соединились пути его бесконечных странствий по бескрайним просторам. Однако до конца его последнего путешествия оставались всего лишь одни сутки.

Ночная дорога оказалась очень тяжелой. Было холодно — «стужа», по словам Миллера. Тряска от быстрой езды (а он любил ездить «скоро для сбережения времени») утомила его, и по прибытии в 7 часов утра в Клин с пожилым ученым случился новый «припадок болезни». Состояние было тяжелое, и Миллер испугался, что вдали от своих близких и врачебной помощи оно может сделаться еще хуже и «помышлял только о том, как бы скорее возвратиться в Москву». Первоначальные планы дальнейшего посещения Волоколамска, Воскресенского монастыря и усадьбы Яропольца пришлось корректировать. Но Миллер был человек на редкость упрямый. Не побывав в этих местах, он все же составил их описание. Вероятно, он отправил туда своего помощника и переводчика А. М. Андреева, хорошо знавшего методы работы академика (см. [31]).

Невзирая на недомогание, Миллер в течение одного дня осмотрел Клин — город ямщиков, «с великою учтивостью» получил необходимую информацию от местного воеводы, а от ямщицкого старосты — список с царской грамоты 1686 г., текст которой затем подготовил к печати в своем путевом очерке.

Истратив последние силы, Г. Ф. Миллер, не отдыхая ни минуты, приказал срочно возвращаться домой. Ему «столь было трудно», что и речи не могло быть об описании возвратного пути. Торопясь скорее прибыть к домашним, он проехал всю ночь и 18 мая (через восемь дней) вернулся в Москву.

Экспедиция Миллера по Московской провинции больше уже не возобновлялась. Ему осталось исполнить один долг ученого — обработать экспедиционные материалы, дополнить их достоверными сведениями из исторических источников и подготовить к публикации. Этот долг он выполнил с лихвой. Но даже такой продолжительной творческой жизни, какую прожил Г. Ф. Миллер, не хватит для свершения всего задуманного, и в результате значительная часть подготовленных им материалов пролежала в архиве свыше двух веков.

Путевые очерки Г. Ф. Миллера как памятник научной литературы

Излагать содержание экспедиционных материалов Г. Ф. Миллера, рожденных в результате путешествий по Московской провинции, не имеет смысла, тем более что эти тексты в 1996 г. впервые в полном объеме опубликованы на русском языке*. Но один аспект требует специального рассмотрения. Мне представляется, что эти тексты имеют не только чисто смысловую нагрузку и историко-научное содержание, но и являются своеобразным памятником русской научной литературы XVIII в.

Если первый очерк его путешествия имел довольно строгий в языковом выражении характер, то в дальнейшем текст становился более раскованным, наполнялся описанием красот посещаемых мест, а также характеристикой достоинств встречающихся на пути людей и т. п. Причем, будучи строгим ученым, шлифовавшим стиль и язык научной прозы на протяжении полувека, многожды битый своими бдительными коллегами за присущий его натуре темперамент и экспрессивность, в своих текстах Миллер проводил очень жесткую самоцензуру. Изучая сохранившиеся черновики и варианты, можно заметить, как автор раз за разом упрощает текст, снимает многие эпитеты, вымарывает целые фразы и фрагменты, которые могли бы быть восприняты как неуважительные, в том числе к героям, жившим сотни лет тому назад.

На страницах произведений ученого описано не только множество памятников архитектуры, утраченных навсегда или до неузнаваемости изменивших с тех пор свой облик, но, что особенно важно, в них присутствуют образы жителей Московской провинции: приветливые воеводы в городах, просвещенные церковные иерархи и простые сельские попы, ямщики и крестьяне. Конечно, главный и единственный герой — это сам автор, что полностью соответствует жанру «путешественных описаний». Поэтому нет в его текстах ни одного слова, произнесенного собеседниками. Впрочем, одно исключение есть. В самом последнем путевом очерке он донес до нас знаменательную фразу встреченной им крестьянки Дмитровского уезда, направлявшейся по воду к реке Сестре: «Есть везде добрые и лихие люди» [36, л. 18 об.].

Уже отмечалось определенное несоответствие между обещанием Г. Ф. Миллера произвести географическое описание Московской провинции, согласно заданной программе, и тем, что получилось, а как мне представляется, и изначально задумывалось. Не обременяя читателей излишними деталями, я могу утверждать, что путевые описания, которые вел ученый во время экспедиции, и подготовленные на их основе четыре очерка, не соответствуют полностью ни одной научной программе или инструкции,

---

* Академик Г. Ф. Миллер — первый исследователь Москвы и Московской провинции / Подготовка текста и вступ. статья С. С. Илизарова. М., 1996. — 256 с. с илл. Книга подготовлена в рамках исследовательского проекта «Москва — исторический центр науки и техники России», проводимого в ИИЕТ РАН при содействии АО «Московский комитет по науке и технологиям» Правительства Москвы.

которые во множестве были известны в XVIII столетии и среди которых, кстати говоря, немало принадлежит перу самого Г. Ф. Миллера [38, с. 87—96]. Это не следует, разумеется, понимать как утверждение о полном отсутствии какого-либо плана при создании очерков. Но это план не научного исследования, а литературного произведения в жанре путевого описания, автор которого был профессиональным ученым. И в этом качестве работы Г. Ф. Миллера являются, наверное, одними из наиболее ранних в русской литературе. В большей степени научный характер носили описания отдельных городов и монастырей.

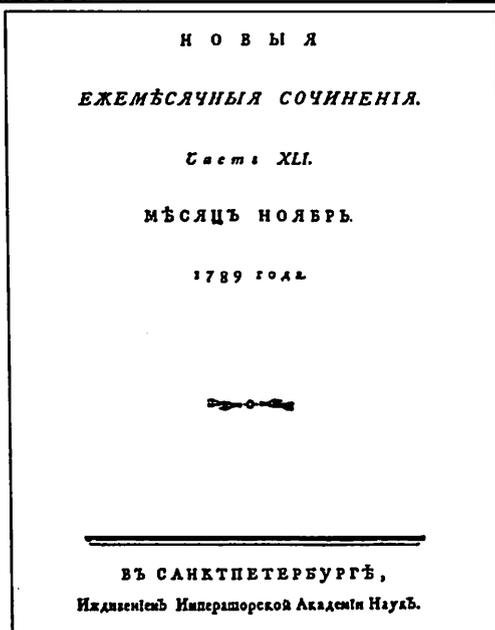
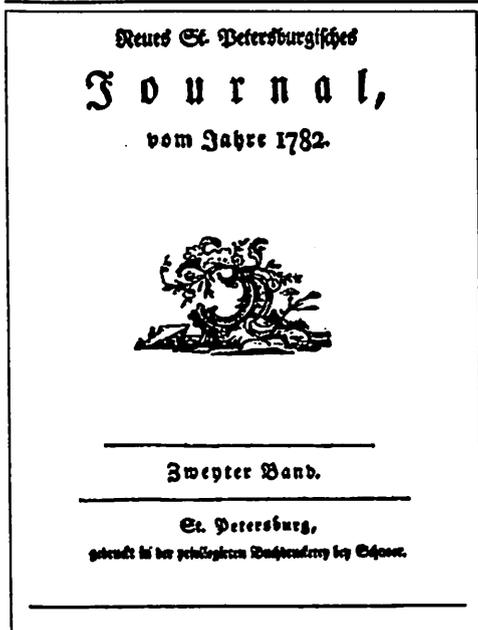
Однако вернемся к главной части подмосковного цикла произведений Миллера — к путевым очеркам. Читая их внимательно в той последовательности, в какой совершались путешествия, замечаешь, как раз от разу автор чувствует себя все более раскрепощенно и в литературно-стилистическом отношении, и в части усложнения «сюжета», наполняя его все большим числом действующих лиц, возрастанием числа боковых линий и реминисценций на историко-политические, экономические и морально-нравственные темы, оставаясь при этом пытливым и внимательным исследователем. Примеров тому много. Так, подъезжая к предместию Троице-Сергиева монастыря, к Клементьевой слободе, и рассуждая о положении ее жителей после секуляризации 1764 г. церковно-монастырских земель, он перевел этот разговор в плоскость умеренной критики крепостничества в России. Причем свои либерального характера размышления на эту тему, которая в конце 70-х гг., после подавления пугачевского бунта, была, мягко говоря, уже неуместна, он облек в форму решения научной задачи*.

Характерен по своей стилистике уже больше для следующей литературной эпохи фрагмент текста, в котором Миллер, размышляя над этимологией названия города Переславля-Залесского, приходит к выводу, что вторая часть названия города должна указывать на лесные массивы, на месте которых остались лишь густые кустарники. И он записал по этому поводу буквально следующее: «Размышления, в которых тут впасть может истинный сын отечества, что сколь великой может быть недостаток в дровах, ежели впредь не лучше будут смотреть за лесами, касается не только до сих стран, но и до самой середины России и окрестностей Москвы» [33, с. 25]. Кстати говоря, тема сохранения лесов не раз возникала в «московских» текстах Миллера.

Конечно, не следует чрезмерно преувеличивать литературные достоинства рассматриваемых текстов, как и не следует полностью их отрицать. Эти тексты лежат на пересечении нескольких нарождавшихся линий развития русского литературного и научного языка в сложную эпоху становления прозы предромантизма. Произведения Миллера, кроме этого, являются результатом творчества человека, всю жизнь думавшего и писавшего параллельно на нескольких языках, — активно на немецком, русском, фран-

---

* В 1766 г. Вольное экономическое общество объявило открытый конкурс на решение задачи — могут ли крестьяне иметь право на землю?

цузском, латыни*. Что касается московского цикла его произведений, то сохранившиеся в архиве рукописи позволяют понять некоторые особенности процесса «языковой» работы. В основном очерки первоначально писались на немецком языке, что определялось подготовкой текста для публикации в «Новом Санкт-Петербургском журнале»**. Далее эти тексты переводились на русский язык. Эти переводы автор подвергал серьезному редактированию, практически собственноручно переписывая целые фрагменты и страницы. Затем (мы рассматриваем типичный вариант) составлялась после его редактирования чистовая русская рукопись, которая в свою очередь подвергалась еще одной авторской правке. В отдельных случаях появлялась еще и окончательная писарская копия, которая все равно просматривалась и правилась автором. Таким образом, данные тексты, изначально написанные на немецком языке, являются своеобразным литературным памятником развития русского языка.

* В его гостеприимном доме «говорили постоянно на четырех языках: на немецком, русском, финском и шведском. Крепостной четырнадцатилетний мальчик говорил свободно и правильно на первых трех, не смешивая их. К тому присоединялся часто пятый, французский, потому что из толпы иностранцев, прибывавших в Петербурге из всех частей Европы, не было ни одного, имеющего какое либо значение, кто бы не посетил знаменитаго Миллера» [7, с. 29].

** «*St. Petersburgisches Journal*» (с 1781 г. «*Neues ...*»), для которого Миллер готовил немецкий вариант своих очерков и статей по материалам подмосковной экспедиции, издавался с 1776 г. на немецком языке Х. Г. Арндтом. Кроме Санкт-Петербурга журнал продавался в Москве, Риге, Ревеле, Нарве, Выборге, а также доходил до Варшавы, Вены, Берлина, Геттингена. Следовательно, публиковавшиеся в нем в 1782—1783 гг. указанные работы Миллера имели весьма широкую читательскую аудиторию. К русскому читателю они попали позже и в значительно меньшем объеме на страницах журнала «Новые ежемесячные сочинения» (1789—1790 гг.).

К сожалению, историки русской литературы и языка мало обращают внимания на участие в этом процессе таких ученых, как Миллер. Поиски в этом направлении, без сомнения, покажут большую, чем априори можно было предположить, степень его влияния на литературный процесс. Недавно появились интересные публикации Р. Б. Казакова, который первым обратил внимание на ряд удивительных текстуальных совпадений «подмосковных» текстов Г. Ф. Миллера с относящимся к началу XIX в. «Путешествием вокруг Москвы» Н. М. Карамзина. Интересно и правдоподобно высказанное автором предположение о том, что Карамзин вообще не совершал путешествия, а описанное им есть результат заимствованной у Миллера и художественно переработанной информации [39, с. 206—210].

Завершая краткие наблюдения над текстами Миллера как литературными произведениями, нелишне будет напомнить о том, что он сам и его отец увлекались литературой и поэзией и даже публиковали свои латинские стихи: отец на отъезд сына в Россию, а сын на смерть отца.

«...Безсмертный муж...»

Миллер говорит и пишет свободно по-немецки, по-русски, по-французски, по-латыни и свободно читает по-английски, по-голландски, по-шведски, по-датски и по-гречески. Он обладает до сих пор изумительной памятью, и его знакомство с самыми малейшими подробностями русской истории прямо поразительно. ... я имел удовольствие провести несколько часов в его библиотеке, в которой собраны чуть ли не все сочинения о России, вышедшие на европейских языках; число английских авторов, писавших об этой стране гораздо больше, нежели я думал. Его собрание государственных актов и рукописей неоценимо и хранится в величайшем порядке.

Вильям Кокс. 1779 г.

Последние годы жизни Г. Ф. Миллер посвятил завершению своих главных дел, как всегда, последовательно и настойчиво. Наряду с заботой о своей семье, его волновали более всего судьба собрания манускриптов и книг, накопленных за десятилетия, и обеспечение преемственности в отлаженной научной работе в МАКИД.

Его начинания и заботы — не все, не всегда и не сразу, но находили понимание и одобрение. Мучимый многие годы поисками достойного преемника, ученый в 1779 г. добился именного указа Екатерины II о переводе из Санкт-Петербургской академии наук «в помощь по старости и слабости здоровья его и для лучшего успеха в порученных ему делах» И. М. Стриттера, естественно, с повышением в чине и жалованья [40, л. 30, 31]. (Правда, в тот же год, сетуя на все возрастающую слабость здоровья, Миллер в письме

в Академию наук не преминул отметить, что и в свои 74 года видит «также хорошо, как 30 лет назад, и без очков в полночь читаю мельчайшую газетную печать» [41, с. 227].) В этом же году, также именным указом, в Москве в Архиве Коллегии иностранных дел было положено начало одному из крупнейших научных проектов — изучению и археографическому изданию Собрания государственных грамот и договоров России с иностранными государствами. Для реализации данного проекта в январе 1783 г. императрица указала: «Для печатания сочиняемого ... собрания древних и новых трактатов между Россиею и другими державами и иных публичных актов, також и прочаго, что до российской истории касается, повелеваем завести в Москве при Архиве Коллегии иностранных дел особую типографию, препоручая ей в точное ведение находящагося при том архиве статскаго советника Миллера» [42, л. 37].

Москва. Хохловский пер., д. 7.
Палаты середины XVII в.
Фото автора. 2 октября 1996 г.

В одном из отдаленных кварталов Москвы, в глухом и кривом переулке за Покровкой, старинное каменное здание возвышается на пригорке, коего отлогость, местами усеянная кустарником, служит ему двором. Темные подвалы нижнего этажа, узкие окна, стены чрезмерной толщины и низкие своды верхнего жилья показывают, что оно было жилищем одного из древних бояр*, которые во времена Петра Великого держались еще обычаев старины. Для хранения древних хартий, копий с договоров ничего нельзя было приискать безопаснее и приличнее сего старинного каменного шкапа с железными дверьми, ставнями и кровлею.

Ф. Ф. Вигель. Записки. М., 1891.

Уже за несколько месяцев до кончины Миллер разрабатывает детальное обоснование всего необходимого для новой типографии в Москве. Период с 1779 г. по 1782 г. прошел в переговорах о судьбе документального и библиотечного собрания Г. Ф. Миллера. В результате Екатерина II распорядилась не только приобрести для Москвы это выдающееся собрание, но и оп-

* Дипломат Е. И. Украинцев. — С. И.

ределила на пополнение библиотеки ежегодно выделять из казны до двухсот рублей. В благодарственном письме к императрице Миллер писал: «Не меньше же Ваше Императорское Величество к вечной славе соизволили обязать и всю публику, *снабдением Москву* (курсив мой. — С. И.) библиотекою, которая главный предмет есть Россия и все окрестныя как Европейския так и Азиатския государства» [40, л. 79—79 об.]. Архив и коллекция ученого, так называемые «Портфели Миллера», хранятся в настоящее время в Российском государственном архиве древних актов.

Чувствуя приближение неизбежного и обращая «свой взор на будущее», Г. Ф. Миллер 11 сентября 1783 г., ровно за месяц до кончины, написал пространную служебную записку к вице-канцлеру графу И. А. Остерману. В этом своеобразном завещании довольно подробно описана история Архива за весь период существования* и предложена программа, которая должна, по мысли автора, обеспечить нормальное функционирование научного учреждения после его смерти. Не входя в подробности содержания этого примечательного документа, следует обратить внимание на выразившееся здесь с наибольшей силой присущее Миллеру доброжелательное отношение к людям и особенно к добросовестно работающим профессионалам. В завещании архивиста даны подробные характеристики всем членам его «команды» примерно в следующих выражениях: имярек — «порядочный, прилежный и разумной человек...» заслуживает повышения в чине и жалованьи. Из всех своих сотрудников в порядке старшинства Г. Ф. Миллер рекомендовал как наиболее подготовленных и способных стать его преемниками М. Н. Соколовского, Н. Н. Бантыша-Каменского

Бантыш-Каменский Николай Николаевич (1737—1814), историк, архивист, археограф. С 1762 г. служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел

* Тема «Миллер-архивист» выходит за пределы нашего рассмотрения. Тем не менее нельзя не отметить, что в XVIII столетии регулярно происходила «убыль архивских дел»: по причине пожаров в 1737, 1743, 1747 гг.; от «гнилости по причине лежания в сыром месте», зафиксированная в документах 1732, 1736, 1738, 1744, 1753, 1756, 1761 гг.; «от переноски в кульках из старых в новые комнаты Архивские» в 1728 г. и т. п. С приходом Г. Ф. Миллера в МАКИД информация подобного рода исчезает из канцелярских дел (вплоть до пожара 1812 г.), так как он сразу же в 1766 г. мотивированно обосновал невозможность обеспечения сохранности архивных дел в помещении на Варварке (на Ростовском подворье) и добился вскоре выделения значительных средств на покупку специально для Архива отдельно стоящих каменных палат князя А. М. Голицына на Покровке и их переоборудование [43, л. 39—39 об.].

и И. М. Стриттера. Рекомендации Миллера и в этом вопросе были восприняты с должным вниманием, и названные лица не только сделали крупную чиновничью карьеру, но в большей или меньшей степени сыграли значительную роль в истории отечественной науки и культуры, превращении Москвы в научный центр. После смерти Миллера, как он и рекомендовал, его функции и жалованье в равных пропорциях были распределены между этими тремя людьми. Но и другие, более молодые сотрудники МАКИД, прошедшие школу Г. Ф. Миллера, также стали знаменитыми учеными, писателями, государственными и общественными деятелями.

Завещание первого московского архивиста завершалось следующими выразительными словами: «Благодарность и верность к второму моему отечеству не позволяет желанием моим другим чем либо заниматься, как только будущим благосостоянием Архива. От сего будет зависеть дальнейшее изъяснение Российской истории» [44, л. 185 об.].

Только одна биография: Уроженец Москвы Алексей Федорович Малиновский (1762—1840) — историк, археограф, архивист, переводчик-драматург, сенатор, тайный советник.; был близок кругу Н. И. Новикова, входил в «румянцевский кружок», член Российской академии, член-учредитель Московского общества истории и древностей российских, автор замечательной книги «Обозрение Москвы» (издана в 1992 г.) и первой биографии директора Санкт-Петербургской академии наук княгини Е. Р. Дашковой. В МАКИД он служил начиная с 1778 г. до конца своих дней, то есть 62 года! В 1814 г. после смерти Н. Н. Бантыша-Каменского и по его рекомендации А. Ф. Малиновский был назначен управляющим Московским архивом.

22 сентября 1783 г. императрице Екатерине II был представлен следующий доклад: «Действительный статский советник, управляющий в Москве Архивом Герард Фридрих Миллер, продолжая службу Его с 1725-го года, явил многия опыты Его прилежания искусства, обогатив Российскую историю многом тщанием Его собранным и трудами Его изданными в свет, доказательствами древности и славы народов ВАШИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ обладаемых, когда наконец по высочайшей воле ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА определен для надзирания за Государственным Архивом ведомства Колле-

гии Иностранных дел, привел оный в самое лучшее устройство, принял на себя труд сочинения и издания всех негоциации и разных актов Российских, по примеру Дюмонова дипломатического корпуса, и первый опыт уже онаго представил, приуготовил людей к службе и к заступлению места его весьма важнаго и полезнаго способных, да и невзирая на его глубокую старость продолжает непрерывный и неусыпный труд к обогащению Истории Нашей и особливо поколику до департамента Иностранных дел касается» [44, л. 189—189 об.].

По данному докладу Коллегии иностранных дел Екатерина II пожаловала Г. Ф. Миллера кавалером одного из высших знаков отличия ордена Св. Владимира. Девиз этого ордена — «Польза, честь и слава», как нельзя более точно соответствовал жизни и деяниям великого ученого-труженика.

11 октября 1783 г. от сильного удущья Г. Ф. Миллер скончался. В последний путь его провожали коллеги из МАКИД (М. Н. Соколовский, А. Ф. Машиновский, Н. Н. Бантыш-Каменский, И. М. Стриттер, Л. М. Максимович и др.) и профессора Московского университета (Х. Ф. Матей, Ф. Ф. Керестури, Х. А. Чеботарев, Е. Б. Сырейщиков, Я. И. Шнейдер) [45, л. 2—2 об.]. Как писали в те дни «Московские ведомости», «Сей историческими своими сочинениями бессмертный муж...» был похоронен «за Введенскими горами» у лютеранской церкви Петра и Павла [46, с. 656]. В том же году в Санкт-Петербурге в возрасте 81 года умер его старший брат Генрих Юстус, всю жизнь проучительствовавший в академической гимназии, вместе с которым в ноябре 1725 г. Герард Фридрих приехал «покорять» далекую Россию и обе ее столицы.

Умение достойно и благородно завершить свой земной путь есть, без сомнения, свидетельство некоей «избранности». Герард Фридрих Миллер никогда не был баловнем судьбы, а был великим тружеником и творцом, истинным человеком науки и просвещения. Этот ученый также был одним из первых русских историков науки и создателей научной школы, но это тема для другого рассказа.

Список литературы

1. Гоголь Н. В. Шлецер, Миллер и Гердер // Гоголь Н. В. Сочинения. СПб., 1900. Т. 10.
2. Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1.
3. Миллер Г. Ф. Описание моих служб // Миллер Г. Ф. История Сибири. М.-Л., 1937. Т. 2.
4. Копелевич Ю. Х. Первая заграничная командировка петербургского академика (из записок Г. Ф. Миллера о его путешествии 1730—1731 гг.) // ВИЕТ. 1973. Вып. 2 (43).
5. Митрополит Евгений. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Т. II.
6. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. XVIII век (первая половина). М.-Л., 1963. Вып. 2.
7. [Шлецер А. Л.]. Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная / Пер. с нем. с приложениями и примечаниями В. Кеневича // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1875. Т. 13.
8. Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. 1755. Генварь.

9. *Миллер Г. Ф.* Краткое известие о начале Новгорода... // Ежемесячные сочинения... 1761. Июль—октябрь.
10. *Миллер Г. Ф.* Опыт новейшей истории о России // Ежемесячные сочинения... 1761. Генварь—март.
11. *Пекарский П. П.* Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале в 1755—1764 годов // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1867. Т. II, № 4.
12. Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980.
13. Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 199. Оп. 2. Портфель 412. Ч. 1. Д. 13.
14. *Вернадский В. И.* Труды по истории науки в России. М., 1988.
15. *Голицын Н. В.* Портфели Г. Ф. Миллера. М., 1899.
16. Наказ Имп. академии наук... // Сборник Имп. Русского исторического общества. СПб., 1885. Т. 43.
17. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 46. Д. 8.
18. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 150. Ч. 18. Д. 3.
19. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 363. Д. 2.
20. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 363. Д. 1.
21. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 363. Д. 3, 4.
22. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфели 185, 199, 210.
23. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портфель 385. Ч. 2.
24. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портфель 385. Ч. 2. Д. 10, 16.
25. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 150. Ч. 5. Д. 26; Портфель 413. Ч. 1.
26. РГАДА. Ф. 180. Оп. 2. Д. 1.
27. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках // Труды Архива АН СССР. М.-Л., 1940. Вып. 4.
28. *Каменский А. Б.* «...Сей город за центр всего государства почесть можно...» Герард Фридрих Миллер // Краеведы Москвы. М., 1991.
29. РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 54.
30. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 362. Ч. 2. Д. 1.
31. Экспедиция академика Г. Ф. Миллера по Московской провинции в 1778—1779 гг. М., 1995. Деп. в ИНИОН РАН 25.12.95., № 51035.
32. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 362. Ч. 2. Д. 4.
33. Путешествие г. Д. С. советника Миллера к Святотроицкому Сергиеву Монастырю // Новые ежемесячные сочинения. 1789. Ч. XLI. Ноябрь.
34. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портфель 546. Ч. 3. Д. 11.
35. Путешествие в Можайск, Рузу, Звенигород покойного действительного статского советника и кавалера Миллера // Новые ежемесячные сочинения. 1790. Ч. XLVI.
36. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 362. Ч. 1. Д. 8.
37. Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985.
38. *Илизаров С. С.* Анкеты XVIII в. как источник по историографии города // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. Сб. статей. М., 1978.
39. *Казаков Р. Б.* О замысле и источниках «Путешествия вокруг Москвы» Н. М. Карамзина // Мир источниковедения. М., Пенза, 1994.
40. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портфель 389. Ч. 2. Д. 2.
41. *Гнучева В. Ф.* Географический департамент Академии наук XVIII века // Труды Архива АН СССР. М.-Л., 1946. Вып. 6.
42. РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 59.
43. РГАДА. Ф. 180. Оп. 15.
44. РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 59.
45. РГАДА. Ф. 180. Оп. 16. Д. 313.
46. Московские Ведомости. 1783. 18 октября. № 83.

З. А. БЕССУДНОВА, Л. Т. ПРЖЕДЕЦКАЯ, Ю. Я. СОЛОВЬЕВ

ПОСЛЕДНЕЕ ТВОРЕНИЕ АРХИТЕКТОРА КЛЕЙНА

В центре Москвы, напротив исторической святыни России — Кремля, около Манежной площади, на Моховой, 11 располагается великолепное трехэтажное строение, в котором находится Государственный геологический музей им. В. И. Вернадского (ГГМ). История строительства этого замечательного здания весьма примечательна и тесно связана с развитием Московского государственного университета, в недрах которого зародился ГГМ — один из крупнейших естественных музеев Европы, коллекциям которого более двухсот лет.

Университет в Москве всегда занимал особое место, был социально-общественным центром города, планировочной основой, архитектурной доминантой, центром науки и культуры. Первое университетское здание — Аптекарский дом — находилось в бывшем Аптекарском Приказе; это было специально перестроенное здание архитектора князя Д. В. Ухтомского с пышным барочным залом и многообразием объемов, расположенное у центральной площади Москвы (см. [1, с.26]). Сейчас на месте этого дома находится Исторический музей.

Вскоре после основания в 1755 г. Московского университета уральские промышленники Прокофий, Григорий и Никита Демидовы (сыновья знаменитого уральского горнопромышленника петровских времен. — Демидова Акинфия Никитича) пожертвовали университету минералогическую коллекцию. Она состояла из 6000 образцов минералов и руд Урала, Сибири и собрания минералов известного немецкого минералога И. Ф. Генкеля. На экспонатах «минерального кабинета», купленного Демидовыми у И. Ф. Генкеля — профессора Фрайбергской горной академии, ранее постигал основы минералогии и горного дела М. В. Ломоносов, обучаясь в Германии в период 1739—1740 гг.

Так называемый «демидовский минеральный кабинет», привезенный в университет в 1759 г., заложил основу коллекции минералогического кабинета в Московском университете. Сначала этот кабинет размещался в университетской библиотеке для всеобщего обозрения, а в 1761 г. для него отделили отдельное помещение в том же университетском здании, которое называлось Аптекарским домом.

«Демидовское» собрание минералов было одной из самых крупных для того времени коллекций в мире [2, с. 31] и активно использовалось профессорами натуральной истории для обучения студентов на лекциях.

Университету было тесно в Аптекарском доме, и правительство решило возвести комплекс университетских зданий. Они были построены в конце XVIII в. на Моховой улице. В этом архитектурном ансамбле отразились лучшие черты московского зодчества — разноэтажность, силуэт, скульптурность, цвет, развитое интерьерное пространство, парадный двор.